

Одна примета — совесть

Поэзия и судьба Вениамина Блаженного

«Скиталец духа», «Убогий», «Блаженный» — каких только имён не давали поэту Вениамину Михайловичу Блаженному. Биография его сложная и в то же время не имеет целостности. Мы узнаём о его жизни отрывками — из его стихов, дневников, рассказов современников. Таких людей Марина Цветаева называла «Поэты без истории». История была, но мучительные полвека для поэта она скрывалась судьбой.

Вениамин Айзенштадт родился 15 октября 1921 года в посёлке Копысь, Беларусь. Под псевдонимом «Блаженный» начал публиковаться с 1980-х годов. Семья жила впроголодь, отец работал щетинщиком, мать занималась хозяйством. Семья переехала в Витебск и жила неподалёку от дома, где жил Марк Захарович Шагал. Блаженный в детстве был вдохновлён этим событием и хотел стать художником.

*Мне приснился мальчишеский Витебск,
Я по городу гордо шагал,
Словно мог меня в Витебске видеть
Мой земляк сумасшедший — Шагал.*

Но судьба распорядилась иначе. Однажды ему в руки попался сборник стихов, и с тех пор ни о чём другом он и думать не хотел. Тогда начал, как он говорил, «рифмованный разговор с Богом», и разговор этот затянулся на целую жизнь.

Он успел окончить первый курс института, когда началась война. В армию его не взяли по здоровью. Отправился работать сельским учителем. В девяти километрах от его школы была библиотека, в которой каким-то чудом сохранились книги. Он ходил туда каждый день и переписывал любимые стихи в тетрадки. В 1946 году с огромным багажом тетрадей он вернулся в Белоруссию, там женился. Работал переплётчиком, рисовал в комбинате бытовых услуг. Огромное влияние на его творчество оказала поэзия Бориса Пастернака. Блаженный буквально бредил им.

В 1946 году он смог разыскать адрес Пастернака. Ещё до войны посылал ему свои стихи на отзыв, но только теперь смог увидеться. Они встретились в Москве в Лаврушинском переулке, в доме поэта. Прочитав стихи, Пастернак удивился, что не было в них ни красных знамён, ни комсомола, а было возвращение к боготорчеству и идеи Бога, что не свойственно тому времени, особенно в первый год после войны. Через два года Блаженный снова приехал в Москву, чтобы увидеться с Пастернаком. Тогда же Пастернак представил ему свои стихи из «Доктора Живаго». Они говорили о поэзии, о своих современниках. Блаженный спросил о Мандельштаме и Цветаевой, Пастернак сообщил ему печальные вести об их смертях. По воспоминаниям поэта, они молчали около получаса — Пастернак со скорбью и Блаженный, поражённый такими новостями. На прощание Борис Леонидович подписал ему свою самодельную книгу и дал 400 рублей «Вы же светитесь от голода». Блаженный денег брать не хотел, но Пастернак его убедил. Вениамин Михайлович принял их со словами: «Это деньги Пастернака, на них не едят». Он понимал, что, возможно, это их последняя встреча, и эти деньги он до конца своей жизни хранил в одном из томов Шекспира, как память о поэте. Их встречу он считал самым главным событием в своей жизни.

Сам он вспоминал об этом так:

«У Льва Кассиля есть классическая фраза: «Просьба не дербанить в парадное, а «сувать» пальцем в пупку для звонка». Вот и я сунул палец в эту «пупку» — вспоминал Вениамин Михайлович. — Дверь открыл красивый мальчик. Это был младший сын Пастернака Лень. Я спросил: «Папа дома?» — «Нет. Папа за водой пошел». Я сел в прихожей на стул. И тут открывается дверь и возникает легендарный профиль Пастернака. Он спрашивает: «Вы — водопроводчик?» Я отвечаю: «Нет. Я лью словесную воду...»

Мне было 24 года. Естественно, что я хотел самоутвердиться и поэтому спрашивал: «Поэт я или не поэт?» А он, зная, насколько губительно ответить в утвердительной форме, уклонялся от ответа. Потом вспомнил слова Гейне о том, что если у человека из десяти стихов два — настоящих, то он — поэт. Я спросил: «У меня есть два этих настоящих стиха?» Пастернак проворчал: «Может, даже четыре...»

Он был красив. На фотографиях, на рисунках этого не видно. Но это была та духовная красота, та скрытая энергия, которая делает лицо любого творца красивым. Это красота мысли...

Когда я был у него в первый раз, кто-то позвонил ему и пригласил на вечер памяти Маяковского. Пастернак сказал, что не пойдет. Видимо, последовали возражения и упреки. Однако он спокойно ответил: «Вы же знаете, что я сумасшедший». И спокойно повесил трубку. Так что разрыв его с обществом начался очень давно. Он сказал мне потом: «Я в Москве так же одинок, как вы в Минске». Но это было творческое одиночество, не скулящее. И в этом было его достоинство».

Блаженный не знал стихотворных размеров, писал стихи по наитию. Он говорил: «Зачем мне знать, что я написал это стихотворение ямбом, это хореем, а это анапестом? Я же не в аптеке лекарства расфасовываю».

Три года поэт провёл в психиатрической больнице, в истории болезни было записано: «Считает себя поэтом». В больнице его стихи называли бредом параноика. Спустя три года ему дали инвалидность и отпустили. Устроился маляром и почти четверть века рисовал таблички и вывески. Блаженный говорил: «Судьба сделала всё, чтобы мне не быть поэтом, но преуспела лишь отчасти — я никогда не публиковался. Мне даже трудно представить, что и у меня где-то есть читатель». В 1991 году, на 70-летие, его приняли в Союз белорусских писателей, только толку от этого не было. Наступили коммерческие времена, и печататься было не на что. Но спустя пять лет его стихи наконец-то увидят свет. Благодаря поэту и музыканту Юрию Шевчуку выйдет в свет его первая и последняя книга под названием «Сораспятье». К подготовке книги Блаженный отнёсся бережно, вручную перепечатывал каждую страницу. В своей поэзии он обращался к разным поэтам, в том числе и к Марине Цветаевой:

*Моя заботушка, Марина,
Я обниму тебя за гробом,
Из пётли мученицу выну,
Почту усердием особым...*

Знали его лично и принимали участие в его судьбе Арсений Тарковский и Виктор Шкловский, автор книги статей и воспоминаний «Гамбургский счет», который ему сказал: «Вы — эпоха. Вас никто не знает. Но вас будут знать все».

Вениамин Блаженный умер 31 июля 1999 года в Минске, смерть его настигла дома в полном одиночестве. В эту жизнь он пришёл нищим и одиноким, таким же он её и покинул, оставив после себя бесценное количество своих стихов, эссе,

дневников и писем. Судьба незаслуженно обделила его имя славой, и он всегда знал, что будет так — уйдёт безвестным, нищим, блаженным богоборцем.

В своей поэзии он предпочитал силлабо-тоническое стихосложение, но уже в 1940-е годы обращался к русскому верлибру, и его вклад в этом жанре весьма значителен, несмотря на то, что публикации ранних верлибров оказались задержаны более, чем на полвека.

В литературной жизни Белоруссии Блаженный особенно не участвовал, хотя за несколько месяцев до смерти был приглашён в совет главного белорусского журнала «Немига литературная», который редактирует выдающийся русский поэт Анатолий Аврутин. Вениамин Блаженный по праву стал в 1990-е годы центральной фигурой в русской поэзии Белоруссии и оказал влияние на целый ряд белорусских поэтов.

«Разыщите меня, как иголку пропавшую в сене...» — сказал он в стихах своим будущим читателям, которые всё-таки появились у него в конце XX — начале XXI века.

*Елизавета ОВОДНЕВА,
член Союза писателей России*